

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК [001.95-029:9(430)]:94(470)«1941/1945»

МИФЫ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (к 75-летию Победы над фашистской Германией)

Столбов Вячеслав Павлович (stolbov@isuct.ru)

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»

Мифотворчество представляет собой процесс развития и накопления знаний о жизни людей и общественных процессах, обусловленных теми или иными событиями, сохраняемыми в исторической памяти. В этом процессе субъективное восприятие событий и их оценка закрепляется в сознании людей как совершившихся реальных фактов, транслируемых в общественную жизнь, что создает ложное представление о исторических событиях. Мифотворчество проявляется в различных жанрах: документальных исследованиях, мемуарах, воспоминаниях и исторической беллетристике. Этот процесс не обошел и такие крупные события XX века как вторую мировую и ее составную часть – Великую Отечественную войну. И чем дальше уходит мировое общество от времени тех трагических событий, тем более усиливается мифомания в их анализе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мифы, германская историография, немецкие генералы и историки, критика мифов.

Мифотворчество в истории Великой Отечественной войны в настоящее время связано с рядом обстоятельств. Во-первых, это стремление некоторыми политиками ряда зарубежных стран принизить роль СССР и ее вооруженных сил в разгроме германского фашизма. Во-вторых, опираясь на мемуарную литературу бывших генералов немецкого вермахта всячески исказить положение дел на Восточном фронте, преувеличить роль природного фактора в войне и некомпетентное управление военными действиями со стороны Гитлера. В-третьих, обвинить Советский Союз в развязывании второй мировой войны и представить его как агрессора наряду с фашистской Германией вследствие заключения советско-германского пакта от 23 августа 1939 года. Трансляторы подобных мифов отвечают социально-политической конъюнктуре определенного круга людей, нередко политиков, вовлекающих в это дело профессионалов-историков, публицистов, участников событий, которые тем самым в интересах заказчиков манипулируют общественным сознанием. Легендарный советский разведчик Ю. Дроздов в одном из своих интервью замечал: «США и Великобритания для формирования исторической памяти подкупают элиты других стран, внедряют в их образовательные программы исторические мифы и насаждают мифологемы уже со школьной скамьи. Они же создают в каждом государстве пул из историков и журналистов, задача которых – подвергать обструкции любые попытки выяснить реальные факты прошлого».

Мифотворчество в германской историографии не является чем-то новым и исключительным. Поражение в Великой Отечественной войне Германии и победа СССР многими авторами мемуарной военно-исторической литера-

туры рассматриваются бывшими генералами вермахта и рядом немецких историков с различных позиций. В большинстве своем это нашло отражение в оценке военных действия в тактике блицкрига в летне-осенней военной кампании 1941 года, а также в последующие годы войны. Среди множества названий изданной литературы представляют интерес труды, авторами которых являлись генералы немецкого вермахта: фельдмаршал Э. фон Манштейн «Утерянные победы» (М., 1999), К. Типпельскирх «История второй мировой войны». Блицкриг. Крушение» (М., 1956; 1999), Ф. Гальдер «Военный дневник». 3-томное издание ежедневных записей в период с 1939 по 1942 г. (М., 1971; 1973), Г. Гудериан «Воспоминания солдата» (М., 1954), «Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во второй мировой войне. 1939 – 1945» (М., 2018), Г. Блюментрит «Роковые решения вермахта» (М., 1958), Г. Фриснер «Проигранные сражения. Вторая мировая. Взгляд врага» (М., 2011), Г. Гот «Танковые операции» (М.1961), фон Э. Бутлар «Война в России» (М., 1957) и др.

В этих воспоминаниях генералов даются оценки недальновидной деятельности Гитлера. Так, Э. фон Манштейн писал: «Гитлер все чаще пытался вмешиваться в руководство нижестоящими командными инстанциями путем отдачи отдельных распоряжений и полагал, что ему из-за его письменного стола все видно значительно лучше, чем командирам на фронте. Не стоит уже и говорить о том, что он не мог определить издалека, какое мероприятие на месте является правильным и необходимым». Генерал Г. Гот, помимо обвинений в адрес Гитлера, объяснял поражение Германии недостаточностью времени данного на подготовку Генеральному штабу, а также

разбросанности и удаленности тыловых флангов от мест сражений.

В воспоминаниях генералов германского вермахта *мифологизируется значимость природного фактора* в военной кампании против СССР (зима, сильные морозы, гололедица, грязь и распутица, непролазные дороги вследствие дождей и размокшей земли). Влияние русского периода распутицы, который начинается уже в середине октября, стало известно немецкому командованию слишком поздно. *«Не русская зима, а осенние дожди положили конец немецкому наступлению. Дождь лил днем и ночью, дождь шел непрерывно, вперемежку со снегом. Дороги размокли и движение приостановилось»*, - писал генерал Г. Гот в своих воспоминаниях. Танковый генерал Г. Гудериан отмечал: *«передвижения затрудняла повсеместная гололедица. От обморожений мы теряли солдат больше, чем от рук неприятеля»*. Немецкие генералы постоянно ссылаются на распутицу и мороз, как будто у солдат и офицеров Красной Армии не было схожих проблем, они не испытывали чувства холода. Двигатели советских танков, как немецких, также неохотно заводились на морозе и только после усилий и различных ухищрений танкистов. Следует заметить, к зиме многие части РККА, особенно в московском контрнаступлении, обеспечены были зимней одеждой лучше немцев (здесь нам помогла Монголия, поставив теплые полушубки для солдат и офицеров). Версии влияния природного фактора на военные действия немецких армий придерживается американский историк У. Крейг, который в книге *«Враг у ворот. Битва за Сталинград» (London, 2000)* одну из причин неудачи попытки деблокировать 6-ю армию Паулюса, он видел в погодных условиях *«оледеневшие дороги, на которых танки не могли тормозить»*. Все это, по мнению педантичных немецких генералов, мешало им воевать с Россией.

Что ж, иногда природный фактор может сыграть свою роль, надо было бы почитать немецким генералам историю отступления наполеоновских войск зимой 1812 года. Но это не главный отнюдь фактор. И никто, конечно, для гитлеровских войск не собирался обустроить дороги, месить грязь своими сапогами, мерзнуть в своей летне-осенней одежде, обогреваться от вами же сожженных русских, белорусских и украинских деревень и сел. Никто вас не приглашал на российские земли, вы были отобригадированные захватчики, менталитет «огдипунга» подвел вас в ожиданиях легкой военной прогулки по России.

При всем этом мифотворчестве ряд немецких генералов все же отдавали дань уважения солдатам Красной Армии. Так, упомянутый уже генерал Г. Гот отмечал, что они недооценили *«политической и военной силы сопротивления*

России, сопротивления русского солдата». Г. Гудериан в своих воспоминаниях отмечал боевой характер частей Красной Армии в их сопротивлении противнику: *«Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. Наше окружение русских редко бывало успешным. Когда мы вплотную подошли к Москве, мы обнаружили, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 года»* [1].

Таким образом, поиски *«оправдания»* советской победы над Германией вращается вокруг вопросов о природных факторах (распутица, лютые морозы), волюнтаризма Гитлера, мешавшего его генералам приносить победы, пассивности союзных войск вермахта и пр. Все это, в конечном итоге сводится к тому, что не СССР победил страну, разгромившую за 44 дня Францию вместе с находившимися там союзниками, а это Германия ввиду своих просчетов и случайностей дала победить себя [2].

В немецкой военно-исторической литературе нашел широкое отражение миф о *«превентивной (упреждающей) войне Германии против СССР»*. Исследователи немецких архивов довольно основательно проанализировали документы, связанные с этим мифом, который настойчиво внедрялся в само немецкое общество в годы войны, а в настоящее время нередко всплывает в тех или иных работах немецких, американских, английских историков, будоража общественное мнение. Что же было в реальности и о чем свидетельствуют документы?

Впервые тезис о превентивном вступлении Германии в войну против СССР был высказан Гитлером перед генералами вермахта в день нападения на нашу страну. *«Теперь наступил момент, когда выжидаемая политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, следовательно, и всей Европы. Сейчас приблизительно 150 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на Крайнем Севере Европы, и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границу, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были отпеснены лишь после продолжительной перестрелки»*. Об этом же говорилось в обращении Гитлера *«К солдатам Восточного фронта»*, зачитанном в ночь на 22 июня 1941 года личному составу вермахта. В нем военные дейст-

вия против Советского Союза мотивировались якобы «русскими намерениями».

Официально эта версия была пущена в ход 22 июня 1941 года в заявлении германского посла Ф. Шуленбурга советскому правительству, и в меморандуме, врученном И. Риббентропом в этот же день советскому послу в Берлине В. Деканозову – уже после вторжения немецких войск на советскую территорию. В заявлении Шуленбурга утверждалось, что в то время, как Германия добросовестно соблюдала советско-германский договор о ненападении, Россия неоднократно нарушала его. СССР вел «саботажи, терроризм, и шпионаж» против Германии, «противодействовал немецким попыткам установить стабильный порядок в Европе». Советский Союз якобы вступил в сговор с Англией «в целях нападения на немецкие войска в Румынии и Болгарии», сосредоточив все имеющиеся русские вооруженные силы на длинном фронте от Балтийского до Черного моря, «СССР создал угрозу рейху». Поэтому фюрер приказал вооруженным силам Германии отразить эту угрозу всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

В меморандуме немецкого правительства, врученном послу СССР в Германии Деканозову, говорилось: «Враждебное поведение по отношению к Германии советского правительства и серьезная опасность, проявившаяся в движении русских войск на немецкую восточную границу, вынуждает рейх к ответным действиям» [3]. Обвинения Советского Союза в агрессивности, в намерении «взорвать изнутри Германию» содержались в обращении Гитлера к немецкому народу, зачитанном утром 22 июня Геббельсом по радио. Таким образом, пытаясь оправдать фашистскую агрессию, они утверждали, что вынуждены встать на путь «превентивной» войны против СССР, поскольку он якобы готовился к нападению на Германию, к нанесению ей удара в спину. Тем самым утверждалась виновность СССР за начало Великой Отечественной войны. Исходя из этих суждений, наступательные действия против СССР политически оправдывали фашистское руководство в глазах мирового сообщества, обвиняя тем самым советское правительство в несоблюдении советско-германского пакта. Данную точку зрения Гитлера высказывали в его окружении Рудольф Гесс, Гейдрих, генерал-полковник А. Йодль и др. В дневниковых записях министра пропаганды Третьего рейха Й. Геббельса от 16 июня 1941 года о превентивной войне сделано следующее замечание: «Фюрер заявляет, что мы должны добиться победы, неважно, правы мы или нет. Превентивная война является самой надежной и удобной войной, если принять во внимание, что противник всё равно должен подвергнуться нападению при первой же возможно-

сти. Это и имело место по отношению к большевизму. Теперь мы будем его бить вплоть до уничтожения» [4].

Утверждения о превентивной войне со стороны Германии были подхвачены пропагандистской системой в стране и в течение длительного времени использовались для обмана населения Германии и народов других стран. Под влиянием этой пропаганды многие немцы на фронте и в тылу считали войну справедливой, «абсолютно необходимым оборонительным мероприятием» [1]. Мотив к версии о превентивном нападении Германии на СССР Гитлер переосмыслил в заявлении, сделанном в феврале 1945 года: «Самым тяжелым решением этой войны был приказ о наступлении на Россию. Больше не было надежды окончить войну на Западе высадкой на английские острова. Единственным средством принудить Англию к миру являлось уничтожение Красной Армии, а также лишение англичан надежды противопоставить нам на континенте равносильного противника» [5].

В 1945–1946 гг. Нюрнбергский трибунал над главными военными преступниками отверг версию о «превентивной» войне. Сошлемся лишь на высказывание, сделанное в ходе процесса фельдмаршалом Ф. Паулюсом, разработчиком плана «Барбароссы»: «в наше поле зрения не попали какие-либо факты, свидетельствующие о подготовке Советского Союза к нападению». По словам генерала фон Браухича, посетившего СССР незадолго до начала войны, отмечалось: «группировка сил Красной Армии имела ярко выраженный оборонительный характер». Фельдмаршал Кейтель на процессе также заявлял, что не было никаких оснований предполагать, что Россия готовилась к нападению на рейх. Этим же высказыванием придерживался генерал-полковник Г. Гудериан в «Воспоминаниях солдата» [6].

В приговоре Нюрнбергского трибунала отмечалось: «22 июня 1941 года без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами. Доказательства, предъявленные трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную силу для того, чтобы расчистить путь для экспансии на Восток в соответствии с ее стремлениями. Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийство комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без законного оправдания. Это была явная агрессия» [7].

Несостоятельность и истоки мифа о «превентивной» войне довольно обстоятельно и

подробно были доказаны во многих трудах отечественных историков. Историк А. Уткин доказал, что эта версия со стороны фашистской Германии была полностью несостоятельной, имела место вероломная агрессия: «*в целом историографические звезды первой величины в данном вопросе согласны в том, что в июне 1941 года была начата не превентивная война, а началась реализация подлинных намерений Гитлера, которые были идеологически мотивированы*». Этот же автор делает ссылку на мнение известного английского историка Дж.-П. Тейлора: «*Гитлер решил вторгнуться в Советскую Россию не потому, что она представляла опасность, а потому что ей будет очень легко нанести поражение*» [8].

Как справедливо отмечали историки, исследователи этой проблемы, всякий раз миф о «превентивной войне» входил в официальные объяснения своих акций гитлеровским рейхом. Если план вторжения в Австрию был разработан за 4 месяца до «аншлюса», в Чехословакию – за 11 месяцев до ее раздела и оккупации, в Польшу – за 5 месяцев до начала военных действий, то в Советский Союз – почти за год до нападения. [9].

Миф о «превентивной» войне, к сожалению, был поднят некоторыми историками и в наши дни. Среди зарубежных авторов одним из самых известных и одиозных с негативной стороны является бывший сотрудник ГРУ Резун (Суворов). К иностранным авторам он причислен потому, что совершил предательство, будучи разведчиком перешел на сторону противника. Главная мысль данного фальсификатора, изложенная им в книге *Ледокол. Кто начал вторую мировую войну?* (М., 1992) заключается в том, что, по его мнению, И.В. Сталин готовил наступление на Германию (операция «Гроза») с целью захвата всей Европы и установления в ней социализма, поэтому Гитлер 22 июня 1941 г. совершил превентивный, упреждающий удар. В своих гипотезах Резун ссылается на некие, увиденные им секретные архивы.

С версией Резуна (Суворова) солидаризируется немецкий историк И. Хоффман, один из авторов 4-го тома «*Германский рейх и вторая мировая война*» (Франкфурт, 1983), который утверждает, что 5 мая 1941 года Сталин в речи перед выпускниками военных академий высказал якобы агрессивные намерения «*воевать малой кровью на чужой земле*». Автор передернул слова Сталина, в которых он давал оценку военной кампании 1940 года, что «*воевать малой кровью на чужой земле не получилось*».

Среди других сторонников мифа о «превентивном ударе» следует упомянуть работу австрийского философа Э. Топича «*Stalins Krieg*». (Munche, 1985) Страйта С. «*Keine Kameraden*». (Stuttgart, 1978) и др. Э. Топич утверждает, что

советское руководство «*само спровоцировало Гитлера на нападение, дабы «предстать перед всем миром в качестве жертвы агрессии*» [10]. Его версия, видимо никем кроме него и возможного узкого круга лиц, не поддерживается. Почему? Ввиду отсутствия доказательств и знания первых дней войны.

Среди исследователей немецкой историографии о войне постоянно привлекает к себе внимание, сформированный в окружении Гитлера миф о том, что *РККА будет побеждена в ходе летне-осенней кампании. Блицкриг обеспечит победу вермахту над Красной Армией*.

Как могла появиться параноидальная идея о быстром разгроме Красной Армии и победе над Советским государством? Конечно, о войне против СССР Гитлер высказывался неоднократно. В начале 1930-х годов он в связи с приходом к власти в 1933 году национал-социалистской партии приобрел авторитет национального и партийного лидера фашистской Германии. События 1938–1940 гг., аншлюс Австрии и раздел Чехословакии (1938 г.), разгром польской армии (1939 г.), оккупация северо-западных европейских государств и победа над Францией, укрепили авторитет Гитлера в немецком обществе и веру в его тоталитарные и реваншистские идеи, его боготворили, в сознании немецкого населения формировали загадочность его харизмы как спасителя Германии от социальной несправедливости, созданной политиками Франции и Англии. У части германского генералитета сформировалось также устойчивое мнение о непобедимости немецкой армии.

Раскладка военных действий Германией была обусловлена необходимостью стратегического поведения относительно Великобритании и СССР. Основным направлением в этой стратегии считалась война против островной Англии и, хотя военные действия против нее осуществлялись в 1939–1940 гг. в виде налетов немецкой авиации на английские города, в окружении Гитлера считали, что победа над ней будет возможна лишь после разгрома СССР. Немецкое командование сухопутных сил (и сам Гитлер) рассматривали войну против СССР не как самостоятельную кампанию, а лишь как эпизод в борьбе с Англией. Именно такое стратегическое направление было принято военной элитой и лично Гитлером, оно же послужило основанием к разработке плана военных действий против СССР, получивших кодовое название план «Барбаросса», в основе которого предлагалась тактика блицкрига, т.е. скоротечной войны. Гитлером, чтобы затуманить истинные цели предполагаемой войны, был использован антисемитский тезис из его же книги «*Mein Kampf*»: «*культурная Европа стремится освободить Россию от жидов-коммунистов*».

Разработка плана «Барбароссы» происходила следующим образом. Первоначально этому послужила памятная записка «*Соображения по России*», представленная 8 июля 1940 года Гитлеру гросс-адмиралом Редером, который считал военные силы РККА более слабыми, чем германские, имевшие опыт победоносной войны в Европе. При этом в своей записке он определил линию захвата территории СССР: на севере от Ладожского озера – в центре Смоленск – на Юге Крым, а военную операцию провести осенью 1940 года. В записке предполагалось также нанести главный удар на Москву силами «группы танковых армий» из 16-и танковых и 34-х пехотных дивизий. Однако соображения Редера были отвергнуты, т.к. немцы не имели средств управления для организации такого амбициозного объединения, как «группа танковых армий».

В августе 1940 года свой план представил «специалист по России» генерал Маркс, начальник штаба 18-й армии. Он предлагал нанести два удара – на Москву и на Киев. Но здесь же он обратил внимание на необходимость учета при наступлении природно-географического фактора, прорезанной реками с болотистыми поймами белорусской Припятской территории и плохими сельскими дорогами.

Предлагались и другие проекты плана «Барбароссы». Так, план разгрома РККА, предложенный штабом Рундштедта, представлял совместные встречные действия группы армий «Север» (21 танковая и моторизованная, 46 пехотных дивизий), наступающей через Даугавпилс–Смоленск, с группой армий «Юг» (9 подвижных, 37 пехотных дивизий), действующей в направлении на Киев. Что позволяло сковывать действия частей Красной Армии.

В сентябре 1940 года планированием русской кампании занялся генерал Паулюс, первый обер-квартирмейстер Генерального штаба. К концу октября он представил докладную записку «*Основы русской кампании*». В нее вошли многие предложения офицеров Генштаба, Гитлер подписал «*Директиву № 21*» на стратегическое развертывание будущих военных действий против СССР и 21 декабря 1940 года директива была утверждена под кодовым названием «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «*Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено*» [11]. В марте 1941 года Гитлер определил военные и политические цели войны против СССР: «*Наша задача в России – разбить вооруженные силы, уничто-*

жить государство... Речь идет о борьбе на уничтожение».

Тактике блицкрига в плане «Барбаросса» отводилась главная роль в будущей войне с СССР, предвещавшей немецкому командованию успех. За два месяца дойти до Москвы, затем до Волги и закончить полным разгромом Красной Армии, самое позднее – к концу октября. К зиме по плану командования немецкие войска должны были «отогнать» разгромленные части РККА за Волгу к Уралу.

Все ли так думали в окружении Гитлера? Интересен один факт, свидетельствующий о том, что в германской военной элите были лица, которые более трезво смотрели на авантюру стремительной войны и победу над СССР. Так, фельдмаршал фон Рундштедт еще в мае 1941 года высказался о приближающейся войне следующим образом: «*Война с Россией – бессмысленная затея, которая, на мой взгляд, не может иметь счастливого конца. Но если, по политическим причинам, война неизбежна, мы должны согласиться, что ее нельзя выиграть в течение одной лишь летней кампании*» [11].

Какие факторы повлияли на формирование мифа о быстром разгроме РККА? Отметим некоторые из них.

Во-первых, это фактор победоносного шествия гитлеровских войск по странам Европы и их оккупация. В большинстве этих стран, за исключением Польши, каких-либо достаточно сильных сражений не отмечалось. Самая сильная, по тому времени, французская армия прекратила свои действия всего за 44 дня. Кто мог предполагать, что Франция потерпит такое сокрушительное поражение. Этого видимо не ожидал даже сам Гитлер. Вследствие безуспешных военных действий со стороны Франции и перемирия с немцами в плен попало около 1,5 миллионов французских солдат и офицеров. Но если 350 тыс. оказались в плену в ходе боев, то остальные сложили оружие в связи с приказом правительства Петена о перемирии. Северо-Западная часть оккупированной Франции стала базой для налетов немецкой авиации на Великобританию.

Во-вторых, немецкая армия в ходе войны 1939–1940-х годов приобрела достаточный опыт военных действий для участия в будущей войне против СССР. Немецкая армия, отмобилизованная и оснащенная современным по тому времени вооружением, совершила блицкриг по территории европейских государств, используя тактику танковых прорывов, что нашло затем применение в начале войны против СССР.

В-третьих, военно-экономический потенциал Германии за почти два года ведения войны в странах Западной Европы значительно укрепился вследствие пополнения ресурсами окку-

пированных стран. Людские ресурсы, которыми располагала Германия для мобилизации в армии, достигали 13,9-14 млн человек. Резервы людских ресурсов для армий черпались из стран, входивших в гитлеровскую коалицию, а трудовые ресурсы – из оккупированных стран, общая численность населения которых составляла 290 млн человек [12].

В-четвертых, тактика внезапности в блицкриге, примененная немцами в странах северо-западной Европы и Франции обеспечивала явное преимущество на театре военных действий. Именно о такой тактике писал Начальник штаба сухопутных войск Германии, генерал Ф. Гальдер 22 июня 1941 года в своем дневнике: «...Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника полной тактической неожиданностью, свидетельствуют факты, что части были захвачены врасплох на казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать... Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий» [13].

Вероломное нападение гитлеровских войск на СССР 22 июня 1941 года и их быстрое продвижение по территории страны танковыми прорывами, поддерживаемыми бомбардировкой самолетами узловых железнодорожных станций и городов, а также наземных военных объектов, создали в среде немецкого командования иллюзии быстрой победы в летней военной кампании, которая им казалась реальностью. Эти иллюзии подпитывались отступлением частей Красной Армии и окружением в «котлах» сотен тысяч советских солдат и офицеров.

Однако при всех радужных иллюзиях, педантичные немецкие генералы обратили внимание, что не все складывается на начальном этапе войны против СССР в соответствии с их блицкригом. В своих записках они отмечали впечатления от столкновения с разрозненными частями РККА. Так, начальник штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер в своих дневниках писал 24 июня следующее: «Следует отметить упорное сопротивление отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». В записи от 29 июня он уже отмечал о сопротивлении не отдельных солдат и офицеров РККА, а целых подразделений и частей: «ожесточенное сопротивление, русские бьются до последнего патрона, с каждым днем сопротивление растет» [13].

Военные действия на территории СССР, как отмечали генералы немецкой армии, уже не напоминали им европейского победоносного марша. Так, начальник главного разведыва-

тельного управления генерального штаба сухопутных войск К. Типпельскирх отмечал: «До 3 июля на всем фронте продолжались упорные бои. Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак против вырвавшихся вперед немецких танковых частей. И далее «Командование и войска оказались на высоте требований, ...убедительным было упорство противника; поражало количество танков, участвовавших в его контратаках. Это был противник со стальной волей». И здесь же генерал оценивал успехи танковых прорывов: «От танковых клиньев на основании опыта войны в Европе ожидали гораздо больших результатов. Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их окружали. Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению». Другой немецкий генерал фон Е. Бутлар замечал: «В результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше, на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника были совершенно непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих «молниеносных войнах», приведших к успехам, изумившим весь мир». Немецкий генерал Блюментрит после окончания войны в интервью английскому историку Лиддел-Гарту замечал: «Уже сражения июня 1941 года показали нам, что представляет собой новая советская армия. Мы теряли в боях до 50% личного состава» [14]. Историк П. Гостони (Gostony P.) в своей книге «Die Rote Armee» (Вена-Мюнхен. 1980) также обращал внимание на упорное сопротивление, оказываемое красноармейцами противнику: «Несмотря на неудовлетворительное вооружение и снабжение, Красная Армия упорно сражалась за свою Родину, как правило, ожесточенно. Не было случая, чтобы целые участки фронта прекращали сопротивление, вспышки паники почти всегда удавалось погасить» [15]. О достаточно сильном сопротивлении противнику со стороны красноармейцев под Смоленском писал историк И. Дек в книге «Der Weg 1000 Gotten» (Karlsruhe. 1978) - «Дорога через тысячу смертей», в ней одну из ее глав автор назвал «Только мертвые русские не стреляют» [1]. Немецкое наступление под Смоленском было задержано более чем на месяц, при этом потери немецких солдат и офицеров в сражениях за город составили столько же солдат, сколько за целый год войны в Европе. По признанию немецких генералов эти потери стоили 250 тысяч жизней их солдат и офицеров. Задержка наступления немецких войск в этом районе по-

зволила осуществить перегруппировку частей Красной Армии и выиграть время для проведения оборонительных мероприятий на московском направлении. В истории России этот славный город всегда выступал мощным препятствием, перед которым все завоеватели на своем пути к Москве вынуждены были останавливаться. Таким образом, под Смоленском было положено начало разрушению тактики блицкрига в плане «Барбароссы».

Большое значение в выигрыше времени сыграло и сражение под Ельней в августе 1941 года. В этом районе немцы создали мощную передовую линию для дальнейшего наступления вглубь территории СССР. Частями 24-й армии РККА во второй половине августа было предпринято контрнаступление против немцев, которое завершилось их ночным отступлением. В первых числах сентября части Красной Армии вошли в Ельню. В этом сражении немцы потеряли убитыми и ранеными более 40 тысяч военнослужащих, множество военной техники [16].

Блицкриг терял свое значение по мере продвижения немецких войск по территории СССР к Москве. Снижение темпов наступления стала проследиваться и в оценках военных действий педантичными немецкими генералами. Все тот же начальник штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер признавал, что сопротивление советских войск не позволило немецким армиям добиться основной цели «Барбаросса» в молниеносной войне – окружить и уничтожить главные силы Красной Армии. И уже 30 июля он отмечал в своем дневнике о новой директиве верховного командования, группам армии «Центр» необходимо предоставить для восстановления и пополнения 10 дней, что естественно отодвигало сроки дальнейшего наступления: *«Большая усталость войск, непрерывно совершавших с начала войны длительные марши, ведущих кровопролитные бои, – все это вызвало упадок духа у наших руководящих инстанций, подавленное настроение главнокомандующего сухопутными войсками»*. И далее: *«Операция группы армий «Центр» все больше теряет свою форму»* [3].

К началу августа план «Барбаросса» уже прекратил свое существование. Слишком много времени потеряли гитлеровские войска под Смоленском, Таллинном, на рубеже реки Луги, в районе Киева (1-я танковая группа завязла в русской обороне, так и не сумев превратить тактические успехи в оперативные действия). Крупнейшее наступление вермахта захлебнулось. С точки зрения немецкого военного искусства кампания была безоговорочно проиграна – поскольку первоначальный план был сорван, а для создания нового – не было времени.

Осенние военные действия отличались своей ожесточенностью с обеих сторон. Потери

с обеих сторон были значительными. Как следствие кровопролитных сражений летом и осенью потери в немецкой армии на Восточном советско-германском фронте составили около 800 тысяч человек, численность и боевые силы вермахта уменьшились значительно к ноябрю 1941 года, немцы потеряли 23,1 % общей численности войска. Интересно заметить, что за это же время потери немцев на Западном фронте составили всего 9 тысяч солдат и офицеров.

Как показывают немецкие архивы, войска должны были осуществить блицкриг за летне-осенний период, в зимний период на захваченной территории уже должна функционировать военно-хозяйственная администрация. Это были планы, а какова действительность. Блицкриг рассыпался. 3 октября 1941 года Гитлер был вынужден признать факт провала блицкрига: *«Мы не имели представления о гигантских размерах подготовки, проведенной этим врагом (т.е. Советским Союзом)»*. Службы по обеспечению немецких армий, нацеленные только на летне-осенний период военных действий, не справлялись со своими задачами в производстве и поставках необходимого обмундирования для армии в условиях наступающей зимы, они вообще не предполагали необходимость изготовления зимней одежды для солдат и офицеров. Эти службы также были настроены на стремительный разгром РККА летом и осенью 1941 года. Они занимались тем, что готовили для высшего состава армий, старших офицеров и генералов парадные мундиры и пригласительные билеты для празднования победы в ресторанах Москвы. После победных банкетов немецкие войска должны были отведены из Москвы, а город разрушен и затоплен. Таким предполагался победный финиш для немецкого генералитета. Однако это были нереализованные иллюзии. Миф, так искусно разрабатываемый и внедряемый в сознание немцев, бесславно лопнул.

Война осуществлялась по жестоким правилам, опрокидывавшим планы немецкого генералитета. Оборона Брестской крепости, сражение у стен Смоленска и под Ельней, контрудары Красной Армии на отдельных участках фронта, битва под Москвой – все это не предусматривалось в планах блицкрига. В сражениях перемалывались Молохом войны жизни многих сотен тысяч людей, как немецких военнослужащих, так и военнослужащих РККА. Гибель советских солдат и офицеров в этот период войны свидетельствует о высоком патриотизме и жертвенности советских людей, отдавших свои жизни при защите родины. Оборона Москвы, начавшаяся в октябре 1941 года и продолжавшаяся по начало декабря, а затем мощное контрнаступление частей Красной Армии, начавшееся 5-6 декабря 1941 года и завершив-

шаяся в апреле 1942 года, навсегда похоронили миф о блицкриге.

Потери немецких сил только под Москвой многократно превысили их потери в военных действиях в Западной Европе за период с 1 сентября 1939 по 22 июня 1941 гг. Потери со стороны частей РККА также были значительными. Гибель военнослужащих с обеих сторон на начальном этапе Великой Отечественной войны свидетельствовало об ожесточенном ее характере.

Провал немецкого мифа «молниеносной войны» положил начало крушению германской военно-экономической, милитаристской системы народного хозяйства. Военные действия и разгром фашистских группировок под Москвой также являлись свидетельством того, что ни одна армия не в состоянии одержать прочной победы без устойчивого тыла, от которого зависит не только обеспечение фронта всеми видами довольствия, но и людьми - бойцами, от которых зависит настроение и действия армии. И если тыл является неустойчивым, а тем более - враждебным, то он обязательно превращает в неустойчивую массу самую лучшую и сплоченную армию.

Критике мифотворчества зарубежных историков и политиков истории Великой Отечественной войны посвящены труды в советской и современной российской военно-исторической науке. В СССР были изданы 12-томный труд «История второй мировой войны. 1939–1945» (М., 1973–1982), дважды переиздавался 7-томный, а затем 8-томный сборник материалов «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками» (М., 1987–1999). В современной России получили известность работы П.А.Жилина, А.С.Якушевского, Е.Н. Кулькова «Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны» (М., 1983), А. Уткина «Вторая мировая война: два взгляда» (М., 1995). Определенный интерес представляет публикация Г.А. Куманева и М.М. Курбанова, посвященная критике мифа о превентивной войне в книге. «Буржуазная историография второй мировой войны» (М., 1985). Большое исследование западногерманской историографии о второй мировой войне осуществил историк А.Н. Мерцалов в работе «Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны» (М., 1978).

Мифотворчеством истории Великой Отечественной войны занимаются и некоторые писатели и публицисты, так называемые «ревизионисты» исторического советского прошлого, которые нередко выдают свою интеллектуальную рефлексию за подлинные факты. Выдвигая надуманный тезис о якобы планах нападения СССР на Германию, авторы этих домыслов доказательств не приводят. Среди архивных документов отсутствует план наступления на

Германию с визой Сталина, нет и соответствующих приказов на развертывание войск. Планы наступательной войны в Западной Европе не прорабатывались в ходе военных игр. Не велась дипломатическая подготовка к большой агрессивной войне. Единственный реальный документ, содержащий какие-то контуры наступательного плана, – «записка Василевского» – означает лишь, что Генштаб, как ему и положено, отработывал среди многих прочих и такой вариант. Такими своими высказываниями авторы тем самым оправдывают миф о превентивной войне Германии против СССР. И. Бунич отрицает политику Холокоста со стороны фашистов к евреям, он утверждал, что на территории Германии не было уничтожено ни одного еврея и так далее и тому подобное. Понятно, что при всей живости написания авторы не ставили перед собой цели объективно показать исторические события.

Говоря о такой болевой точке в истории войны, как пленение сотен тысяч красноармейцев в летне-осенний период войны, заметим, что этот факт известен и, конечно, прискорбен. Окружены и взяты в плен в немецких «котлах» под Минском более 300 тысяч, Смоленском 310 тысяч, Уманью более 100 тысяч, в котле под Киевом – 665 тысяч, под Вязмой – 663 тысячи солдат [17]. Сам факт пленения такого количества военнослужащих РККА – большой вопрос истории Великой Отечественной войны, одновременно это и большой вопрос для современных историков и социологов войны в понимании причин этого феномена.

Некоторые публицисты и писатели высказали по этому вопросу следующую точку зрения. Так, И. Бунич в своих книгах «Операция «Гроза». Ошибка Сталина», А. И. Солженицын «Архипелаг Гулаг», М. Солонин «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война» объясняли факт сдачи в плен военнослужащих РККА в начале войны «стихийным, никем не управляемым восстанием, армия не хотела воевать в защиту сталинского режима». На тысячекилометровом фронте «...миллионы офицеров и солдат преподнесли предметный урок преступному режиму, начав с открытием военных действий массовый переход на сторону противника». Однако акцентировать внимание на этой трагической странице истории Великой Отечественной войны и потрясать данными об этом вряд ли стоит.

Пленение военнослужащих в истории Великой Отечественной войны - достаточно известный факт. Официальные российские источники определяют число прошедших через немецкий плен советских военнопленных (солдаты, офицеры, генералы) более 4 млн человек. По немецким источникам – 5,75 млн советских военнопленных [18; 19]. Больше всего военнопленных красноармейцев было на первом этапе

войны, с 1943 года эта численность стала менее значительной. В ходе летне-осенней военной кампании 1941 года и до конца 1942 года Красная Армия на одного убитого военнослужащего потеряла 2,9 попавших в плен и пропавших без вести. Польская миллионная армия после разгрома осенью 1939 года на каждого убитого польского военнослужащего теряла 6,3 попавших в плен. При крушении в июне 1940 года французской армии на каждого убитого военнослужащего приходилось 18 пленников [20].

Говоря о советских военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, это следствие не их выбора, а следствие допущенных ошибок, можно сказать трагических ошибок, советской военно-политической элиты. Обезоруженные и утратившие воинский дух пленные красноармейцы думали о том, как бы выжить. Конечно, ведь кто-то воевал и не сдавался. Героическая защита бессмертным брестским гарнизоном своих позиций в крепости, оборонительное Смоленское сражение и сражение под Ельней, оборона Лужского рубежа и героическая оборона Одессы, оборона и контрнаступление под Москвой приводили к большим потерям немецкого вермахта в живой силе и боевой технике. Отступавшие части РККА методично обескровливали силы немецкой армии, в конечном счете, это привело к разрушению военно-оперативной тактики блицкрига.

Критике ревизионистских исторических вывертов посвящен ряд работ современных историков и политиков: сборник «Трагедия 1941. Причины катастрофы». (М., Яуза, 2008), книги В. Мединского «Война. Мифы СССР. 1939 – 1945». (М., 2011), Г. Назарова «Мифы советской эпохи» (М., 2007), Г.А. Куманева «Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (М., 2007), И. Пыхалова «Великая оболганная война» (М., 2008), Н.А. Нарочницкой «Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории» (М., 2010), публикации военного историка М.А. Гареева «О мифах старых и новых» (Военно-исторический журнал. №4. М., 1991), журналиста Е. Новоселовой «Война и мифы» (Российская газета. №136. 20. 06. 2014) и др.

Уместно в этом случае вспомнить размышления маршала Г.К. Жукова: «Никому не нужна лакированная история войны», необходим глубокий анализ военных действий, научная критика фактов и действий [21].

Литература

1. Мерцалов, А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ /А.Н. Мерцалов. – М., 1989.
2. Малышева, Е.М. Против фальсификации второй мировой и Великой Отечественной войны: духовный потенциал советского общества /Е.М. Малышева. – М., 2016.
3. Киселев, А.Ф. Новейшая история Отечества. XX век. В 2 т./А.Ф. Киселев. – М., 1998.
4. Безыменский, Л. Когда полуправда хуже лжи /Л. Безыменский. – //Новое время. – N 9. – М., 1985.
5. Tauber, J. Mensch gegen den Mensch / J.Tauber. – Hannover. 1992.
6. Гудериан, Г. Воспоминания солдата /Г. Гудериан. – М., 1954.
7. Нюрнбергский процесс над главными немецкими преступниками: Сб. материалов в 8 т.Т.7. – М., 1987 –1999.
8. Уткин, А. Вторая мировая война: два взгляда /А. Уткин. – М., 1995.
9. Куманев, Г.А. Миф о «превентивной» войне и его буржуазные приверженцы /Г.А. Куманев, М.М. Курбанов. //Буржуазная историография второй мировой войны. – М., 1985.
10. Огнев, А. Клевещут те, кто жаждал победы Германии /А. Огнев.//Правда. 10 октября 2011. – N 111.
11. Митчем, С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы /С. Митчем. – Смоленск, 1999.
12. Фомин, В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе в 1938-1939 гг. /В.Т. Фомин. – М., 1963.
13. Гальдер, Ф. Военный дневник. В 3-х т. /Ф. Гальдер. Кн.1. – М., 1971; Кн.2. – М., 1973.
14. Анфилов, В. Даже противник опровергает /В. Анфилов. //Красная звезда. 1991. 12 февраля.
15. Gostoni, P. Die Rote Armee /P.Gostoni.–Wien-München. 1980.
16. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления /Г.К. Жуков. – М., 1970. То же В 2 т. Т. 1. – М., 2002.
17. Куманев, Г.А. 22-го на рассвете /Г.А. Куманев. //Правда. 1989. 22 июня.
18. Хавкин, Б. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература /Б. Хавкин. //Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. – N1, 2006.
19. Maschke, E. Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges (zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR: Bd. II-VIII) – München-Bielefeld, 1965.
20. Трагедия 1941. Причины катастрофы /сост. Г. Пернавский. – М., 2008.
21. Краснов, В. Неизвестный Жуков /В. Краснов. – М., 2000.